

В. БРАНДЕС

ВИЗАНТИЙСКАЯ АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

От византийского средневековья до нас дошло довольно много сочинений апокалиптического содержания¹. Надо сказать, что византистика всегда обходилась с ними как мачеха и только лишь в последние годы стал намечаться некоторый интерес к этому важному жанру византийской литературы. Правда, патристика или новозаветные штудии уже давно уделяли ему должное внимание, но ведь они — и это естественно — преследовали при этом совсем другие цели, чем византистика. И все же именно благодаря этому вниманию мы располагаем сейчас изданиями и серьезными исследованиями многих византийских апокалипсисов. С другой стороны, — и это тоже может служить византистике примером для подражания — в западной медиевистике давно признано значение апокалиптического и эсхатологического мышления для изучения истории. Достаточно вспомнить борьбу за инвеституру, крестовые походы и в особенности крупные ереси и формирование нищенствующих орденов. Слависты, исследовавшие многочисленные славянские апокрифы, обращались иногда к византийским оригиналам. И только в византистике в узком смысле слова приходится констатировать дефицит подобных исследований. Только в самые последние годы к этим сложным сочинениям обратились наконец византисты — Леннарт Райден, Кирил Манго, Джон Вертли и Поль Александер: именно последний заложил фундамент для научного изучения византийской апокалиптики. Так или иначе, исследования в этом направлении на материале византийского ареала только начаты. Многие из них еще не изданы; чтобы убедиться в том, как много еще предстоит поднять нетронутого материала, достаточно бегло взглянуть на каталоги рукописей больших библиотек. Из-за этого затрудняется и работа с уже изданными текстами; при нынешнем состоянии исследований очень трудно, а часто и вовсе невозможно установить литературные зависимости.

Византийская апокалиптика — органическое продолжение традиций древней позднеантичной церкви, которые, в свою очередь, были основаны на иудейской апокалиптике. Оработанные в них топосы и обороты мысли

¹ Обзор сохранившихся апокалиптических текстов средневизантийского времени см. в работе: *Brandes W.* Die apokalyptische Literatur // Die Quellen zur byzantinischen Geschichte vom 4. bis zum 9. Jahrhundert / Hrsg. F. Winkelmann (в печать выходит в Берлине в 1988 г.). Основы исследования византийской апокалиптики заложены в работах П. Александера *Alexander P. J.* The Byzantine Apocalyptic Tradition / Ed. with an introd. by D. de F. Abrahamse. Berkley; Los Angeles; L., 1985; *Idem.* Religious and Political History and Thought in the Byzantine Empire. Collected Studies. L., 1978; *Idem.* The Oracle of Baalbek. The Tiburtine Sibyl in Greek Dress. Wash., 1967; *Idem.* The Medieval Legend of the Last Roman Emperor and its Messianic Origins // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. N 41. P. 1—15. См. также: *Mango C.* Byzantium. The Empire of New Rome. L., 1980. P. 201 ff.; *McGinn B.* Visions of the End. Apocalyptic Traditions in the Middle Ages. N. Y., 1979. P. 66 ff.; *Wortley J.* The Literature of Catastrophe // Byzantine Studies / Études byzantines. 1977. N 4. P. 1—17.

использовались затем настолько гибко, что применялись, не требуя изменений, на протяжении столетий к самым разным общественным и политическим отношениям, так что всякий раз казались современникам актуальными и злободневными.

В этом смысле византийская апокалиптика — очень важный для византиниста вид источников, который, как никакой другой, позволяет понять представления византийцев и разглядеть существенные особенности византийской цивилизации. В апокалиптических сочинениях отражены такие элементы мирозерцания и самосознания широчайших кругов населения империи, взгляды, проблемы и желания, о которых мало или совсем ничего не сообщают другие письменные источники. В присущих этому жанру оборотах, образах, сохранившихся с древности формулах часто выражались глубинные подсознательные представления народных масс в разные периоды византийской истории.

Прежде чем проиллюстрировать сказанное на материале нескольких апокалиптических сочинений VII—IX вв., я хотел бы добавить несколько слов о значении апокалиптики для византиноведения. На мой взгляд, можно назвать по меньшей мере три области, в которых изучение этого вида источников играет важную роль.

1. Иногда — к сожалению, не очень часто — апокалиптические *vaticinia ex eventu*² дают подробную информацию о событиях, которой нет ни в каких других источниках. Этим мы обязаны своеобразному литературному построению апокалипсисов — и иудейских и основанных на них христианских. Большая их часть строится как рассказ о видении какого-либо важного лица из Ветхого и Нового заветов (например, Даниила, Еноха, Иоанна — автора канонического апокалипсиса в Новом завете) или же кого-то из отцов Древней церкви (например, Мефодия Патарского, Иоанна Златоуста и т. д.). В форме будущего времени дается обзор всей истории; начиная со времени действительного автора, скрывающегося за древним псевдонимом, изложение совершившихся событий переходит в настоящее предсказание. Обнаружить в тексте такой поворотный пункт особенно важно, кроме всего прочего, для датировки.

Чтобы придать своему сочинению убедительность и правдоподобие, анонимные авторы часто используют исторические факты, преподнося их всякий раз в форме *vaticinia ex eventu* (пророчество об уже свершившемся событии). Так, например, Поль Александер на основании изучения одного старославянского апокалипсиса Даниила, представляющего собой перевод ныне утерянного грекоязычного оригинала сицилийского происхождения, смог восстановить такие детали касательно арабских нападений на Сицилию в первой половине VIII в., которые ни из каких других источников известны не были³. А одна интерполяция в греческой версии апокалипсиса Псевдо-Мефодия и пассаж из «Последнего видения пророка Даниила» могут, по всей видимости, пролить свет на исторические события накануне последней большой осады Константинополя арабами в 716—717 гг.⁴ Однако эти примеры скорее исключения, чем правила; в большинстве же апокалипсисов простая идентификация событий и лиц представляет немалые трудности.

2. Нельзя не принимать во внимание апокалиптические тексты или — шире — апокалиптическое мышление византийцев при интерпретации сочинений самого разного характера. Богословы и историки, поэты и авторы писем цитируют апокалипсисы, используют их метафоры и топосы там, где современный историк меньше всего этого ожидает. Тогдашняя же читающая публика наверняка улавливала такие вещи без труда, так

² Ср.: *Osswald E.* Zum Problem der *vaticinia ex eventu* // *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.* 1963. N 75. S. 27—44.

³ *Alexander P. J.* Les débuts des conquêtes arabes en Sicilie et la tradition apocalyptique byzantino-slave // *Bollettino del centro di studi filologici e linguistici Siciliani.* 1973. № 12. P. 7—35.

⁴ *Lolos A.* Die Apokalypse des Pseudo-Methodios. Meisenheim/Gl. 1976. Beiträge zur klassischen Philologie. Bd. 83. S. 120; *Schmoldt H.* Die Schrift «Vom jungen Daniel» und «Daniels letzte Vision». Theol. Diss. Hamburg, 1972. Kap. 36—37. S. 130.

что специальных пояснений не требовалось. Особенно хотелось бы отметить значение подобных сочинений для историографии, на которой преимущественно основывается наше представление об истории Византийского государства. Что Прокопий Кесарийский постоянно использовал в своей «Тайной истории» апокалиптические топосы, стремясь показать сходство Юстиниана с антихристом, стало уже общеизвестным в византистике со времени посвященных этому вопросу исследований Б. Рубина⁵. Но, что то же самое имеет место и у Агафия или Феофилакта Симокатты, известно гораздо меньше⁶. Апокалиптические мотивы, а часто даже и прямые цитаты из апокалипсисов обнаруживаются и в исторических сочинениях Феофана и патриарха Никифора. Дело не в том, что Феофан, например, называет императора Константина V «предтечей антихриста»⁷; вот гораздо более интересный пример: в 715 г. (вероятно, осенью) арабы под началом Масламы захватили ряд городов на западе Малой Азии. Феофан и Никифор подробно сообщают о захвате Пергама, следуя одному и тому же источнику, ибо выражения их совпадают дословно. Этот общий источник — сирийского происхождения и апокалиптического характера либо же в нем, в свою очередь, использован какой-то сирийский апокалипсис. Точнее выяснить это едва ли возможно, поскольку источник обоих византийских историков утрачен. Повествуется здесь о чудовищных церемониях, устроенных византийскими защитниками города, решившими прибегнуть к магии, чтобы отразить врага. Детальное изображение этих церемоний часто расценивалось исследователями как доказательство того, что в VII и VIII вв. в Византии продолжали существовать и практиковаться языческие обряды, и на этом строились далеко идущие выводы. На самом же деле сообщение о Пергамских событиях у Феофана и Никифора почти дословно совпадает с традиционным описанием апокалиптических народов Гога и Магога (которые с IV в. н. э. отождествлялись в сирийском регионе с гуннами). Достаточно сравнить его с соответствующими отрывками из сирийской христианской легенды об Александре, из «Беседы», ошибочно приписываемой Ефрему Сирину, из «Хроники» Дионисия из Тельмары⁸.

3. Византийские апокалиптические сочинения играют в высшей степени важную роль еще и в третьем отношении — я уже упоминал об этом выше, — а именно при исследовании менталитета, основ мирозерцания населения Византии — именно населения, не обязательно совпадающего с правящим классом, хотя последний может и включаться в это понятие. Разумеется, византийские апокалипсисы, т. е. апокрифы, написанные в виде откровения, предназначались для публики, умеющей читать, но огромное число сохранившихся рукописей и то, что они постоянно копировались, перерабатывались, актуализировались, широко распространялись, свидетельствует о большом интересе византийцев к этим произведениям. Определенные темы в них затрагивали жизненные интересы населения, и именно в связи с этим мне хотелось бы высказать ряд наблюдений на материале нескольких апокалипсисов VII—IX вв.

Насколько беспокойны были эти столетия для жителей Восточного Средиземноморья, общеизвестно. Стремительная исламско-арабская экс-

⁵ Rubin B. Das Zeitalter Justinians I. B., 1960. S. 197 ff.; *Idem.* // RE. 1957. N 23. S. 527 ff.; *Idem.* Der Fürst der Dämonen // BZ. 1951. Bd. 44. S. 469—481; *Idem.* Der Antichrist und die «Apokalypse» des Prokopios von Kaisareia // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 110.

⁶ Ср., например: *Theophylacti Simocattae historiae* / Ed. C. de Boor, G. Wirth. Stuttgart, 1972. S. 43.3. ff.; 216.6 ff.; *Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque* / Rec. R. Keydell. B., 1967. S. 169.22 ff. Общие соображения по этой проблематике см. также: *Vasiliev A. Mediaeval Ideas of the End of the World* // Byz. 1942/1943. T. 16. P. 462—501; *Diehl Ch. De quelques croyances byzantines sur la fin de Constantinople* // BZ. 1930. Bd. 30. P. 192—196; *Alexander P. J. Historiens byzantins et croyances eschatologiques* // Actes du XIIe Congrès international des études byzantines. Belgrad, 1964. T. II. P. 4—8.

⁷ *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Leipzig, 1883. I. 400. 1.

⁸ Подробнее см.: *Brandes W. Apokalyptisches in Pergamon* // BS. 1982. T. 48.

пансия на Ближнем Востоке, крушение вековых политических, экономических и культурных традиций, реальная угроза уничтожения Константинополя — последнего оплота христианства на пути наступающих арабов — а вместе с ним гибели всего византийского государства — все это должно было посеять страх, потерянную панику в головах утративших привычные ориентиры византийцев. И вот тут как раз апокалиптика и предлагала осмысление и упорядочение происходящих событий, воспринимавшихся как всемирная катастрофа, и тем самым давала возможность — прежде всего психологическую — преодолеть ужас настоящего времени и контролировать сознание. Предпосылкой для этого служило христианское понимание истории как детерминированного процесса, подчиненного божественному плану спасения. Правда, людям не дано не только понять смысл, но даже и увидеть очертания этого плана, однако бог сам иногда открывает избранным мужам в видениях, как будут развиваться последующие события исторического процесса. Свидетельство тому — пророки Ветхого завета, прежде всего Даниил и Иезекииль. В Библии и в различных апокрифах описываются знамения, которые провозвестят конец истории, конец века сего, и потому во все эпохи войн и бедствий усматривались эти знамения и настоящее отождествлялось с концом света. В VII и VIII вв. в Византии такие ассоциации были, по всей видимости, широко распространены. К этому времени относится несколько апокалипсисов. Один из них, «Апокалипсис Псевдо-Мефодия», был написан в конце VII в. в северной Сирии на сирийском языке⁹. Его автор, очевидно, был несторианин. Еще до 700 г. это сочинение было уже переведено на греческий язык, а немного позже — на латынь. Известны также армянские, славянские и арабские переводы. Для нас особенно важно то, что Псевдо-Мефодий актуализирует обширный традиционный материал «откровений», подробно описывает бедствия и страдания современной ему эпохи — конца VII в. и предсказывает окончательную гибель Измаила, т. е. арабов. В конце света, который вот-вот наступит, ромейское, т. е. византийское, государство во главе с императором-спасителем уничтожит врага.

Несколько апокалипсисов, принадлежавших к циклу «видений Даниила», обнаруживают много точек соприкосновения с «откровением» Псевдо-Мефодия, причем не только в используемом материале, но и в способе его подачи. Это так называемая «Диегеза Даниила»¹⁰, возникшая, вероятно, в начале VIII в., «Последнее видение Даниила»¹¹, «Видение монаха Даниила о семихолмном граде»¹², «Видение Даниила о последнем времени»¹³ и апокалипсис Льва Константинопольского¹⁴ — все они повлияли, по всей видимости, в IX в., но как и большинство «видений Даниила» опираются на материал VII—начала VIII в. Разумеется, от этого времени сохранились и другие сочинения, которые мы не привлекаем здесь только потому, что они либо менее содержательны в интересующем нас аспекте, либо, как, например, апокалипсис, включенный в житие Андрея Юродивого¹⁵, представляют собой смесь древних и новых традиций, так что верифицировать отдельные их элементы оказывается чрезвычайно трудно.

Одно из важных мест в названных апокалиптических сочинениях занимает фигура так называемого «императора-спасителя», «добротного царя»,

⁹ См.: *Lolos A.* Op. cit. Kap. XIII. Ср. также литературу, указанную в работе: *Brandes W.* Die apokalyptische Literatur.

¹⁰ *Berger K.* Die griechische Daniel-Diegesse. Leiden, 1976. Text: S. 12—26.

¹¹ 'H ἐσχάτη ὄρασις τοῦ προφήτου Δανιήλ // Ed. H. Schmoldt. Op. cit. Text.: S. 122—144.

¹² Ibid. S. 190—198.

¹³ Ὁρασις τοῦ Δανιήλ περὶ τοῦ ἐσχάτου καιροῦ καὶ περὶ τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος // Ibid. S. 202—218.

¹⁴ *Maisano R.* L'apocalisse apocriфа di Leone di Constantinopoli. Neapol, 1975. Text: S. 67—120.

¹⁵ *Ryden L.* The Andreas Salos Apocalypse // DOP. 1974. N 28. P. 199—261. Литературу см. в работе *Brandes W.* Die apokalyptische Literatur.

который придет незадолго до конца света — однако еще во время нынешнего эона, т. е. до настоящего конца света, — победит всех врагов византийского государства, которые понимаются как враги рода человеческого, и воцарится, установив повсюду прочный мир и всеобщее благоденствие¹⁶.

Это обещанное царство мира и всеобщего счастья не следует смешивать с тысячелетним царством, во время которого, согласно апокалиптической схеме конца света, Иисус будет царствовать по своему пришествию вместе со святыми вплоть до Страшного суда. В отличие от него царство «добротного императора» еще принадлежит к истории, составляя ее кульминационный пункт.

Первым делом этот государь, который по апокалиптической легенде объявится совершенно внезапно, «как бы от сна воспрянет. . . как бы исполин, побежденный вином» (Пс. 77, 65), одержит победу над исмаилитами, т. е. арабами, или над всеми вообще врагами империи. Тем самым (и это любопытный момент византийской политической идеологии) исчезнет причина для существования земной власти, государство вообще станет ненужным. . . Зло побеждено — и вот после более или менее долгого правления (эти сроки по разному указываются в отдельных апокалипсисах или в различных рукописях) добрый император отправится в Иерусалим и там, на Голгофе, в центре мира, вернет богу свою диадему, символ своей власти и земной власти вообще, которую он получил от бога, а теперь исполнил свое предназначение и во власти больше не нуждается. Потом он умрет. Существуют несколько иные варианты: он не умирает или после его смерти появляется его преемник и борется против Гога и Магога, терпя поражение или же побеждая. Но эти отклонения для нас сейчас не важны.

Именно этот период — от окончательной победы над мировым злом, воплощенным в Исмаиле, т. е. в магометанах, и до кончины последнего императора — изображается в апокалипсисах как некая утопия, как эпоха, когда исполняются все чаяния народа. Сама формулировка этих желаний указывает на то, как сильно ощущали византийцы в VII и VIII вв. недостаток мира, социальной справедливости и неустойчивость своего существования. Эта византийская эсхатологическая утопия — ибо именно так следует, вероятно, охарактеризовать подобное представление о промежуточном царстве (между этим и следующим эоном) — заключается примерно в следующем.

В сирийском оригинале апокалипсиса Псевдо-Методия, сохранившемся в *Codex Vaticanus Syriacus*. 58 и переведенном Полем Александером, это время описывается так: «И на земле, опустевшей и покинутой ее обитателями, воцарится мир, и оставшиеся из покинувших ее вернутся — каждый в свою землю и к наследию своих отцов: каппадокийцы и армяне, и киликийцы и исаврийцы и африканцы и эллины и селевкийцы (?). И все оставшиеся в плену и находившиеся в рабстве как пленные вернутся — каждый в свою землю и в дом своего отца. И на земле, которая была опустошена, люди размножатся, как саранча. . . И будет мир на земле, подобного которому никогда не бывало, ибо это будет последний мир мира, приведенного к совершенству. И радость будет по всей земле, и люди сядут в великом мире и спокойствии, и церкви поднимутся одна рядом с другой, и города будут построены, и священники будут освобождены от налога, и все — и клирики, и миряне — будут отдыхать тогда от трудов, и усталости, и мучений. . . (fol. 133 v. — 134 r.)»¹⁷.

Греческий переводчик добавляет к этой картине некоторые дополнительные подробности. Мы не будем специально на них останавливаться, но укажем лишь на имеющиеся параллели: последние дни перед потопом — последние дни перед концом света (ср. *Матф.* 24.37—38). Как и сама кон-

¹⁶ Ср.: *Alexander P. J.* The Medieval Legend. . . P. 1—15; *Idem.* The Byzantine Apocalyptic Tradition. P. 151 ff.

¹⁷ *Alexander P.* The Byzantine Apocalyptic Tradition. P. 49.

цепция мессианского междуцарствия, эта параллель — продукт позднепудейской мысли¹⁸.

В «Диегезе Даниила» можно обнаружить много общего с апокалипсисом Псевдо-Мефодия, но есть также и некоторые различия: «(14) И он установит великий мир. (15) И возведены будут города, крепости и церкви. (16) И множество алтарей будет поставлено по всей земле. (17) И даже на островах будут стоять дома. (18) И умножится урожай хлеба, вина и масла. (19) И во время того царствования прекратится всякая война на земле. (20) И при его царствовании все орудия войны будут переделаны в серпы и ножи и плуги»¹⁹.

«Видение Даниила о последнем времени» также говорит прежде всего о мире и рисует некоторые новые подробности: «И мир будет на земле, какого не было от начала мира и, конечно, уже не будет до его конца. И земля принесет свои плоды, и люди будут есть от плодов земных и говорить: Вот он обратил милостивый взор на народ свой. И его начальники будут как цари, а его бедные — как богачи. И тогда царь пошлет созвать святых отовсюду, и повсюду отомстит кровь невинных и преступления против церквей: правителей же (*ἄρχονταί*) он продаст по два сребренника. И церкви святых он восстановит, и алтари. И никого не будет, кто совершал или терпел бы несправедливость во время его царствования. И скипетр его (т. е. его царствование. — В. Б.) окончится в мире»²⁰.

Аналогичная топка содержится и в «Видении монаха Даниила о семихолмном граде»: «(16) И тогда откроются сокровища, сокрытые в земле. (17) И золото и серебро. . . земли. (18) И все станут богаты, и никто не будет беден. (19) И будет много хлеба и вина на земле и много доброго, как никогда не бывало. (20) И повсюду на земле будет мир и покой, и никто не будет ни творить, ни терпеть несправедливости. (21) И царь будет миролюбив и примет всех христиан в свои объятия, как своих возлюбленных братьев, и не будет высокомерен, но почитит всех, даруя им денег и пристанище и покой в своем городе»²¹.

Наряду с такими подробными описаниями царства «императора-спасителя» существуют апокалипсисы, в которых эта фаза мировой истории совсем опускается, а есть такие, в которых она либо коротко упоминается, либо вместе со всей вышеприведенной топикой переносится в другие места исторической драмы, предшествующей концу света. Вот два примера тому. «Последнее видение пророка Даниила» содержит только следующее краткое указание: «(55) И когда он возвратится, откроются сокровищницы земли. (56) И все станут богаты, и никто не будет беден. (57) И земля даст семикратный урожай. (58) И мечи будут переделаны на орала»²².

«Апокалипсис Льва Константинопольского» не повторяет обычную жанровую схему, но содержит в двух разных местах такие фразы: «. . . В последние дни возведены будут церкви и алтари, и города будут построены, и пустыни будут заселены»²³. И в другом месте: «И тогда появится другой добрый и богобоязненный царь (наш последний император. — В. Б.), и он совершит на земле много доброго»²⁴.

Клаус Бергер, издатель «Диегезы Даниила» и автор монументального комментария к ней, подробно проанализировал отдельные топосы, используемые для описания этого мессиански-утопического междуцарствия. Некоторые из его выводов, сделанные на основании чрезвычайно обширного материала, относятся также и к нашим сочинениям²⁵.

Прежде всего нужно констатировать, что все цитированные нами описания представляют собой в высшей степени общие места. Настолько общие

¹⁸ См., например, уже: Jes. 9; 11.

¹⁹ См.: Berger K. Die griechische Daniel-Diegesse. S. 14.

²⁰ Ὁρασις τοῦ Δανιήλ. . . III. 14—20. S. 210—212.

²¹ Видение монаха Даниила о семихолмном граде. II. 16. sq. S. 194—196.

²² Ἡ ἐσχάτη ὄρασις. . . Cap. 55 sq. S. 136.

²³ См.: Maisano R. L'apocalisse. . . S. 68.

²⁴ Ibid. S. 88.

²⁵ См.: Berger K. Die griechische Daniel-Diegesse. S. 80 ff.

и традиционные испокон веков как для древнееврейской, так и для христианской литературы, что, на мой взгляд, нельзя говорить о какой-либо политической соотнесенности этих пассажей, во всяком случае в прямом смысле. Однако, помимо общих мест, некоторые апокалипсисы, например псевдо-мефодиевский, содержат и конкретные данные, явно указывающие на ситуацию второй половины VII в. и потому позволяющие взглянуть на тогдашние исторические события глазами простолюдина, представляющего самые широкие народные массы. Беглецы, беженцы и угнанные врагами, которые надеются когда-нибудь вернуться на родину, к отеческому наследству, пленники, стремящиеся выйти на свободу и вернуться домой, — все это рисует страдания народа, на земле которого бушуют войны. Народы эти перечисляются в апокалипсисе поименно: каппадокийцы, армяне, киликийцы, исаврийцы, африканцы и греки.

Как правило, согласно К. Бергеру, государственные учреждения и чиновники, как светские, так и духовные, как среднего, так и высшего ранга, в апокалиптической литературе не затрагиваются. В этом смысле «Видение Даниила о последнем времени» составляет исключение. Здесь речь идет о том, что «„добрый царь“ продаст архонтов по два сребренника за каждого»²⁶ (III. 17). Я не берусь сейчас решить, указывает ли этот фрагмент на реальный конфликт, имевший место между византийским населением и государственной администрацией именно в то время, или же мы имеем здесь дело с очередным, хотя и менее распространенным, апокалиптическим топосом.

Бросается в глаза явно аграрная ориентация описаний этого утопически-мессианского междуцарствия. Земля произрастит плоды в изобилии, небывалом прежде, урожай хлеба, вина и масла будет богатым, как никогда прежде, а согласно «Последнему видению пророка Даниила», земля родит семикратно.

Наряду с этим заметна сильная церковно-религиозная тенденция: священники будут освобождены от налогов, церкви и алтари будут отстроены заново или реставрированы.

Известный социально-критический компонент проявляется, на мой взгляд, там, где идет речь о том, что «бедные будут как богатые» (по «Видению Даниила о последнем времени») или что «все будут богаты, и никто не будет беден» (по «Последнему видению пророка Даниила»). Предпосылкой для высказывания подобных надежд должно было быть сознание, что общественные богатства распределяются несправедливо.

В заключение я хотел бы заметить, что мои последние замечания не следует переоценивать, делая вывод, что в византийских апокалиптических сочинениях сохранились черты какого-либо сознательно оппозиционного отношения к существующим порядкам, не говоря уже о конкретных политических требованиях широких масс. Разумеется, этого там нет. И все же они отражают надежды и желания народа, которые, в свою очередь, являются выражением его социального положения²⁷.

²⁶ Ὁρασις τοῦ Δανιήλ. . . III. 17.

²⁷ Эта статья повторяет без изменений текст доклада, прочитанного автором 17.12.86 в ИВИ АН СССР на симпозиуме византинистов социалистических стран.